

письма, и методику преподавания иностранных языков, и методику преподавания введения в языкознание.

Предлагаемая читателю статья Л.Р. Зиндера дает полное представление и о его теперешних научных интересах, и о его исследовательской концепции, она вносит свой вклад и в историю отечественной науки о языке.

Л.В. Бондарко

© 1994 г. Л.Р. ЗИНДЕР

БОДУЭН, ЩЕРБА И ИСТОКИ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ТРУБЕЦКОГО

С именем Н.С. Трубецкого у каждого фонолога ассоциируется прежде всего его "Основы фонологии" ("Grundzüge der Phonologie") [1], но, говоря об истоках теории Н.С. Трубецкого в связи с именами А.И. Бодуэна де Куртенэ и Л.В. Щербы, правильнее начать с "Polabische Studien", увидевшей свет еще в 1929 г. и гораздо менее известной широким кругам лингвистов.

В этой книге имеется глава "Das phonologische System des Polabischen", начинающаяся с упоминания Бодуэна и Щербы как основателей психофонетики и с выражения сожаления о том, что это направление в науке о языке мало известно среди славистов. Вместе с тем к первому же абзацу этой главы помещена следующая сноска: «При этом я должен подчеркнуть, что мои взгляды на "психофонетику", или фонологию отнюдь не покрываются взглядами Б. де К. и Л.В.Щ.» [2].

Уже в самом начале главы мы находим иллюстрацию к этой цитате. Как известно, по Бодуэну де Куртенэ и Щербе, в языке имеются только фонемы, а фонетика и фонология являются лишь разными аспектами одной лингвистической дисциплины; вспомним слова Бодуэна: "... можно разделить грамматику на три большие части: 1. фонологию (фонетику), или звукоучение, 2. словообразование в самом общем значении этого слова и 3. синтаксис" [3].

Иную точку зрения отстаивает Трубецкой в цитируемой главе; здесь, в отличие от "Основ фонологии", он не упоминает Соссюра, но соссюровские идеи уже сквозят в следующих словах: "Звук, — пишет он, — относится к речи, он — физическое, акустическое явление... фонема относится к языку и представляет собой социально-психологическое явление. Фонетика, которая изучает природу звуков речи, является естественной дисциплиной...; напротив, фонология, которая занимается представлениями звуков или фонемами, является частью грамматики" [2, с. 142]. Держась этой позиции, Трубецкой, соответственно, строго разделил описание звукового строя полабского языка на две главы: первая называется "Das phonetische System des Polabischen"; она посвящена детальному анализу полабских звуков и других фонетических явлений. Не касаясь фонологической (смыслоразличительной) функции звуков, Трубецкой стремится дать артикуляторную и акустическую характеристику всех гласных (монофтонгов и дифтонгов) и согласных полабского языка.

В целом первая глава занимает 70 страниц, то есть почти половину объема всей книги, в которой насчитывается 167 страниц.

Вторая глава — фонологическая "Das phonologische System des Polabischen" — гораздо короче первой, в ней всего 27 страниц. Начинается она с вышеприведенной ссылки на Бодуэна и Щербу. За этим следует раздел "Звук и фонема", в котором прежде всего дается правило, определяющее делимость звукосочетания. Членимость последнего имеет место только в том случае, если каждый из сочетающихся звуков встречается и в сочетании с разными другими звуками. Обращения к смыслу мы здесь не находим.

Далее идет правило парадигматической идентификации фонемы, согласно которому достаточным доказательством сопринадлежности двух звуков к одной фонеме является то, что они находятся в отношении дополнительной дистрибуции; критерий смысловоразличения и в этом правиле не фигурирует.

Иначе дело обстоит с правилом определения факультативного варианта – весьма важного открытия Трубецкого не только для диахронической, но и для синхронической фонологии. Это правило стоит того, чтобы процитировать его здесь: "Если определенный звук речи во всех словах, где он встречается, может заменяться определенным другим сходным звуком, без того, чтобы изменять значение слова, или же звучать как ошибка, то эти два звука речи являются факультативными фонетическими вариантами и объединяются в языковом сознании в одну единственную фонему" [2, с. 116].

Во второй главе очень интересен раздел "Коррелятивные свойства фонем", в котором мы имеем начало развития теории дифференциальных признаков. "Очень часто, – говорит здесь Трубецкой, – все различие между двумя звуками речи заключается в двух противоположных фонетических признаках, в то время, как все остальные фонетические признаки в обоих звуках примерно одинаковы" [2, с. 126]. Он еще не называет эти признаки релевантными и иррелевантными, но, конечно, это то же самое. Не приходится сомневаться, что сама идея самостоятельности отдельных признаков фонемы (кинем и акусм) была подсказана Трубецкому Бодуэном, который писал: "Однако же фонемы не представляют вовсе дальше уже не разложимых единиц; они являются результатом совокупного действия нескольких органов речи в нескольких местах произносительного аппарата... При этом с точки зрения слуховой, акустической, получается единичное впечатление" [4].

Заканчивается вторая глава установлением системы гласных и системы согласных полабского языка; приводятся соответствующие таблицы.

Новаторской является третья (последняя) глава – "Das morphonologische System der Polabischen Sprache". И в данном случае нет сомнения в том, что Трубецкой вдохновлялся идеями Бодуэна (здесь – теорией фонетической альтернации), но это не умаляет его большой заслуги. Никто, конечно, не станет отрицать, что именно Трубецкой является создателем морфонологии – новой лингвистической дисциплины, связывающей фонологию с морфологией. Ему принадлежит первое определение морфонемы, которое приводится в *Travaux du Cercle linguistique de Prague* [5]; как правильно указывает Трубецкой, «Улашин ввел слово "морфонема", но он употребляет его совсем в ином смысле, в значении нашего термина "фонема"» [5, с. 85] (см. также [6–7]). Морфонема по Трубецкому – это ряд чередований фонем.

Во второй части этой главы дается обзор полабских морфонем, или рядов чередований фонем.

Завершая рассмотрение книги о полабском языке, я могу сказать, что в ней уже намечены все важнейшие положения фонологической теории ее автора – Н.С. Трубецкого, выдающегося представителя передовой русской интеллигенции, мирового ученого и замечательного человека.

"Основы фонологии", конечно, не являются просто продолжением фонологической главы "Полабских штудий"; это творение зрелого оригинального ученого, которое сыграло громадную роль в развитии мировой филологической науки второй половины XX века. Содержащиеся в ней идеи, особенно, теория оппозиций и связанных с ней дифференциальных признаков, получили широкое распространение не только в разных областях лингвистики, но и в литературоведении [8]. До появления этого фундаментального труда Трубецкого даже о теории фонемы знали только те, кто был как-то связан с Бодуэном и Щербой. Во всяком случае, только они писали об этой теории. "Введение" в книгу Л.В. Щербы "Русские гласные в качественном и количественном отношении", изданной еще в 1912 году [9], оставалось (и в значительной мере остается и сейчас) мало знакомым не только западным языковедам, как правило, не

знающим русского языка, но и у нас в России. Между тем, в этом "Введении" впервые в мировой науке была систематически изложена теория фонемы. Это отметила Э. Фишер-Йёргенсен, которая в книге, специально посвященной истории фонологии, писала: "Ясно, что наиболее разработанная теория фонемы была развита в России Л.В. Щербой, и что он оказал влияние на Пражскую школу" [10].

Даже сам термин "фонема" (не в соссюрском смысле) долго оставался неизвестным на Западе; до 30-х годов нашего века его не было даже в крупнейших энциклопедических словарях Запада, в то время как статья И.А. Бодуэна де Куртенэ "Фонема" была напечатана еще в 1899 г. в "Большой польской энциклопедии" на польском языке, а статья С. Булича "Фонема" на русском языке – в 1902 г. в "Энциклопедическом словаре" Брокгауза-Ефрона (т. XXXVI).

Все это говорит о том, сколь важным для развития науки было появление "Основ фонологии". В этой книге влияние Соссюра на Трубецкого становится явным: Трубецкой часто упоминает его и ссылается на него. На центральном положении концепции Соссюра, согласно которой в языке нет ничего, кроме противопоставлений, построена система и типология фонологических оппозиций, а в конечном счете – и теория дифференциальных признаков¹.

Различение релевантных и иррелевантных признаков (дифференциальных и интегральных) и выведение отсюда определения фонемы как пучка дифференциальных признаков требует разъяснения. Каждый звук речи характеризуется определенной артикуляцией всех активных произносительных органов; звук образуется совокупностью всех интегральных признаков; один из них – дифференциальный – отличается тем, что он используется для различения какой-нибудь пары фонем в данном языке. Все это имел в виду Трубецкой², но недостаточно настаивал на этом, а потому и был неправильно понят. Позднее Р. Jakobson и его соавторы своей теорией дифференциальных признаков еще более усугубили недоразумение, что и вызвало справедливую критику. В 60-х – 70-х годах появился ряд экспериментально-фонетических работ, показавших, что дифференциальные признаки (ДП) гораздо более сложное явление, чем казалось создателям бинарной классификации ДП [11–13]. Трубецкой не учел значение фактора восприятия для опознания (идентификации) фонемы; на это, кажется, первым обратил внимание С.И. Бернштейн.

"Основы фонологии" хорошо всем известны, но я все же позволю себе остановиться на некоторых моментах, преимущественно связанных со взглядами Бодуэна и Щербы. Начну с того, что процедура фонологического анализа по форме сходна с той, которая принята Щербой в "Русских гласных..." [9]: от членимости звукового сочетания к идентификации фонемы. Что же касается метода анализа, то он у Трубецкого и Щербы принципиально различен.

Щерба начинает с ассоциативного анализа, но, как всегда, кончает обращением к смысловозначительному критерию. Сопоставляя слова *сан* и *сон*, он пишет: «... мы узнаем элементы *з* и *л* в слове "сан" как тождественные с начальным и конечным элементом в слове "сон"», и далее продолжает – "здесь однако нужно иметь в виду одно обстоятельство: не все проходящие через сознание представления попадают в светлую его точку – большинство остается у порога сознания... Так как основной интерес речи лежит в смысловых представлениях, то звуковые нормально не находятся в светлом пункте сознания... Но дело в том, что элементы смысловых представлений оказываются зачастую ассоциированными с элементами звуковых представлений..., а в словах *корова*, *вода* ассоциировано с представлением субъекта; *и* в словах *корову*, *воду* с представлением объекта и т.д. и т.д. Благодаря подобным смысловым ассоциациям, элементы наших звуковых представлений получают

¹ В связи с этой теорией с бодуэновскими кинемами и акусами см. выше с.127.

² "Одно и то же звуковое образование может быть членом как фонологической (дистинктивной) оппозиции, так и недистинктивной... Это возможно только потому, что каждое звуковое образование содержит несколько акустико-артикуляторных особенностей... [1, с. 85].

известную самостоятельность" [9, с. 6–7]. Важно отметить, что, по Щербе, именно это и заставляет членить слоги *ва, да, ву, ду* на два элемента, две фонемы.

Трубецкой пошел иным путем; он объяснял членимость слога на фонемы через оппозиции. "Имеются, – говорит он, – фонологические единства, которые могут разлагаться на ряд еще более мелких фонологических единств, следующих один за другим во времени. Единства [mɛ:] и [by:] в немецких *Mähne – Bühne* относятся к этому типу: из оппозиций *Mähne – gähne* и *Mähne – mahne* вытекает, что [mɛ:] = [m + ɛ], а из *Bühne – Sühne* и *Bühne – Bohne* вытекает, что [by:] = [b] + [y:]" [1, с. 33]. Трудно понять, как Трубецкой, который стремится к логичности фонологических построений, забыл в данном случае, что противопоставление, как и всякий другой вид различия, вовсе не влечет за собой членения. Ввиду этого его объяснение членимости звуковой последовательности следует признать несостоятельным.

Второе, что я хочу отметить, это – некоторая противоречивость теории нейтрализации фонологических противопоставлений и выведение из нее теории архифонемы. Во-первых, нейтрализация, означающая по Трубецкому утрату различия каких-нибудь двух единиц, возможна только тогда, когда эти единицы билатеральны. Примером их могут служить русские омонимичные слова *рог* и *рок*; оба произносятся – /gok/ и поэтому никакой носитель русского языка не может сказать, какое из этих двух слов он услышал; вне контекста их различить невозможно; это и означает, что различие между ними нейтрализовано. Фонема же – единица односторонняя, она лишена плана содержания, сама по себе она ничего не именуется; поэтому понятие омонимии к фонемам неприменимо [14].

Третье мое замечание относится к понятию архифонемы. Трубецкой не заметил того, что он, анализируя функционирование архифонемы в речи, по существу, оперирует фонемой, как автономной, не имеющей омонимов, единиц. Исходя из того, что архифонема непронизосима (невозможно произнести вместо [g], [k] просто заднеязычный смычный, чтобы он не был ни глухим, ни звонким), Трубецкой говорит, что заместителем архифонемы в позиции нейтрализации становится один из членов соответствующей оппозиции. Для него нет сомнений в том, что в обоих словах – *рог* и *рок* – мы имеем фонему /k/. Из этого вытекает, что Трубецкой фактически признает, что в реальной речи никаких единиц, кроме фонем, не существует.

Итак, то, что Трубецкой называет нейтрализацией, это – не неразличение чередующихся фонем, а ограничение в дистрибуции одной из них, обусловленное определенными фонетическими закономерностями, действующими в данном языке. Нейтрализуются значимые единицы языка – слова и морфемы. Любопытно, что сам Трубецкой связывал нейтрализацию с ограничением дистрибуции, но не довел этой мысли до логического конца. В главе VI "Сочетания фонем" – говорится: "Снятие фонологических оппозиций это, конечно, важнейшее, но отнюдь не единственное важное явление в области учения о сочетаемости (Kombinationslehre)... Во многих случаях, может быть даже в большинстве случаев, недопущение фонемы в определенной фонетической позиции вовсе не вызывает снятия какой-либо оппозиции. Тем не менее это недопущение остается очень важным явлением, которое может иметь значение для типологии соответствующей системы фонем. Поэтому все правила ограничения употребления отдельных фонем и их комбинаций должны тщательно формулироваться при описании фонологической системы" [1, с. 218–219].

Принимая введенное Трубецким понятие нейтрализации, представители Московской фонологической школы (МФШ) отказываются признать его архифонему, но, не имея возможности отрицать, что в конце слова *рог* /k/ представляет собой вариант фонемы /g/, а не какой-нибудь другой, они по существу стоят на той же точке зрения, что и он.

Несмотря на все сказанное выше, архифонема не нечто выдуманное Трубецким; надо только помнить, что это не линейная, а психофонетическая единица, которую вслед за Щербой следует понимать как модель фонетического чередования, существующего в сознании носителя данного языка, позволяющую ему идентифицировать морфему, несмотря на различия, наблюдаемые в ее фонемном облике. Мы

отождествляем морфему *рок*, звучащую с /o/ и /k/ (у *коровы сломан один рог*), то с /a/ и /g/ (у *коровы большие рога*), так как в нашем сознании существуют модели чередований – /o/ || /a/ и /g/ || /k/.

Щерба писал об этом в посмертно изданной статье следующее: "Наконец, изучение чередования фонем данного языка обнаруживает реальную базу так называемого этимологического чутья в данном языке. ... Я имею в виду чутье говорящих на данном языке людей, которое является действительным языковым фактором, обуславливающим узнавание морфем и слов как тождественных и в тех случаях, когда фонетического тождества уже нет" [15].

Далее, я хочу выразить свое несогласие с выделением делимитативной функции звуковой стороны языка [8, с. 40–41], которое невольно спровоцировал Трубецкой. Сам он считал разграничительную функцию необязательной и второстепенной. В последней главе "Основ фонологии" – "Учение о разграничении" – он писал: «Эти две функции звуков, дистинктивную и делимитативную, следует строго различать. Дистинктивная функция для языка как такового обязательна; отдельные звуковые комплексы, которые соответствуют значимым единицам, должны обязательно быть различными, чтобы их не смешивать; чтобы каждый из этих звуковых комплексов был в достаточной степени определенным в своей индивидуальности, он должен состоять из определенных "звуковых знаков" (Schallmalen) в определенной последовательности. Это не может быть иначе, это связано с существом человеческого языка. Напротив, внешнее отграничение наделенных смыслом звуковых комплексов не является безусловно необходимым» [1, с. 241].

Из этой цитаты мы видим, что Трубецкой хотя и выделял делимитативную функцию, но он неповинен в ее преувеличении, и если некоторые авторы склонны преувеличивать эту функцию, то Трубецкого в этом упрекнуть нельзя. Его вина только в том, что он неуместно употреблял самый термин "функция". Прежде чем критиковать Трубецкого, надо уточнить значение этого термина. В нематематическом смысле он означает то, для чего служит данный предмет или какая-нибудь иная единица. Так, часы служат для того, чтобы показывать время, а то, что они тикают, к их функции отношения не имеет; кварцевые часы тоже показывают время, но не тикают. Заводные часы тикают, потому что так устроен их механизм; это их свойство, а не функция.

Примером функции из области языковых явлений может служить категория падежа имени существительного в русском языке, функция которой – указывать синтаксическую роль данного слова в предложении: *Книга лежит на столе. Он читает книгу.*

Обращаясь к трактовке звукового облика слова, мы можем сказать то же, что и о часах. Если в слове *книг* /kn'ik/, в отличие от слова *книга* /kn'iga/, мы имеем в конце фонему /k/, а не /g/, то это определяется не тем, что глухой согласный должен обозначать конец слова (/k/ часто встречается и в интервокальной позиции), то есть не его функцией, а свойством, вытекающим из соответствующего правила живых чередований согласных в русском языке. Что касается того, насколько необходимы пограничные сигналы для узнавания границ слов, то сам Трубецкой писал следующее: «Стоит ли какой-нибудь из "звуковых знаков" (реализованных фонем) в конце одного или в начале непосредственно следующего за ним наделенного значением звукового комплекса (=слова или морфемы), это большей частью недвусмысленно угадывается из всего контекста. Возможность недоразумения большей частью довольно незначительна, особенно потому, что при восприятии каждого языкового высказывания заранее настраиваются на определенную, узко ограниченную сферу понятий и требуется учитывать только те лексические элементы, которые связаны с этой сферой» [1, с. 241–242].

Сказанное здесь Трубецким подтверждается экспериментальными данными. В одной статье, относящейся к концу 60-х годов, говорится: "Изложенные выше результаты исследования объективных характеристик так называемых пограничных сигналов в русской речи, а также и восприятия границ слов носителями русского языка

заставляют критически пересмотреть учение о делимитативной функции звуков. ... Так, и в краевых позициях слов так называемые пограничные сигналы возникают не для того, чтобы разделять слова, а потому, что в таких позициях могут появляться такие фонетические факторы, которые обуславливают специфические фонетические явления. ... В речи на человека воздействуют такие сильные сигналы, как смысл значимых единиц – слов, служебных морфем. Поэтому нет ничего удивительного в том, что носители русского языка, как показали наши опыты, столь не чутки к фонетическим пограничным сигналам, в тех случаях, когда такие сигналы имеются" [16].

Заканчивая имеющиеся у меня замечания, я могу сказать, что каковы бы ни были "неудачи" Трубецкого, они теряются в море драгоценных мыслей, содержащихся в его богатом научном наследии, и, в частности, в "Основах фонологии".

На этом можно было бы поставить точку, но хочется остановиться на одном моменте, лишь косвенно связанном с Трубецким – на вопросе об одной легенде, бытующей (трудно сказать, с какого времени) среди некоторой части наших языковедов; а именно – легенде о физикалистском характере учения о фонеме Льва Владимировича Щербы. Еще до ее возникновения она, по существу, была опровергнута известным фонетиком А.И. Томсоном. В 1913 г., вскоре после выхода в свет "Русских гласных..." он написал на эту книгу рецензию, в которой говорится: «Непонятно, что может выиграть фонетика от того, что Щерба вместо звуков речи оперирует понятием "фонема"» [17, с. 567]. Далее он цитирует щербовское определение фонемы: "Фонемой называется кратчайшее общее фонетическое представление данного языка, способное ассоциироваться со смысловыми представлениями и дифференцировать слова..." [17, с. 567], после чего замечает: «По этому же вполне ясному определению "фонема" является неким фонетическим п р е д с т а в л е н и е м, которое способно ассоциироваться со смысловыми представлениями... Но если вносить такие смысловые признаки... в чисто фонетическое исследование, как данное, то это было бы почти то же самое, как если бы в антропологической классификации учитывались признаки одежды. Это, однако, имеет принести только вред, как это и случилось у Щербы» [17, с. 567].

Другим невольным "разоблачителем" легенды до ее возникновения был основатель "Новомосковской школы" Н.Ф. Яковлев. В своей работе по фонетике кабардинского языка он строит весь фонологический анализ, отправляясь от следующих слов Щербы: "При диалектологических исследованиях самым трудным (и едва ли не самым важным) является не записывание разных тонких отличий, а констатирование того, какие отличия в данном языке важны, а какие не важны, с точки зрения смысла" [18].

Уверенный в своей правоте, Щерба стремился в лекциях как можно более доходчиво раскрывать смысловоразличительную (точнее говоря – словоопознавательную или конститутивную) функцию фонемы и всячески подчеркивал, что акустическое различие звуков недостаточно для различения их как языковых единиц. В одной лекции, читанной в 1918 году (сохранилась ее стенограмма), он говорил: "Вот, например, в итальянском языке есть два слова: *peska* и *peska*. Не знаю, уловили ли вы разницу между ними. Между тем для итальянцев эта разница в произношении очень заметна: в одном случае слово означает – он ловит рыбу, в другом – персик. В одном случае *e* (закрытое), в другом – *ε* (открытое). ... В русском языке есть это различие в произношении, например, *тень* и *в этот дом, с этот огурец*. Здесь два разных *e*: в *тень* и в *этот*; если прислушаться внимательно, то вы ясно эту разницу услышите. В итальянском эта разница гораздо меньше, но, однако, для нас она не важна, потому что она получается в силу чисто механических условий, в известных комбинациях, и никогда никакими смысловыми ассоциациями не может сопровождаться, а в итальянском это различие дифференцирует смысл" [19, с. 155–156]. Таким образом, Щерба выступал с опровержением легенды о себе еще до ее появления.

Не зная о легенде, но уже после ее рождения, Трубецкой разоблачал ее в "Основах фонологии". К словам: «"Фонологические единицы, которые с точки зрения данного

языка разлагаются на более мелкие следующие одна за другой фонологические единицы; мы называем ф о н е м а м и" он делает следующую сноску: «"В 1912 году Л.В. Щерба дал в "Русских гласных" следующее определение фонемы: "Фонемой называется кратчайшее общее фонетическое представление данного языка, способное ассоциироваться со смысловыми представлениями и дифференцировать слова» [1, с. 34]. Трубецкой к этому заметил: «В этом определении (еще целиком соответствующем позиции ассоциативной психологии), как и в "Court expose de la prononciation russe" (1911 г.) Щербы, кажется, впервые была столь четко подчеркнута смысловоразличительная функция фонемы» [1, с. 155–156].

Приходится удивляться тому, что Трубецкой, справедливо считавший столь важной эту функцию, сам давал в "Основах фонологии" следующее правило определения парадигматической идентификации фонемы без ссылки на критерии смысловоразличения (оно фигурировало уже выше) в связи с разбором "Polabische Studien", но его стоит привести и здесь): "3-е правило: Если два акустически или артикуляторно родственных звука некоего языка никогда не встречаются в одном и том же звуковом окружении, то они являются комбинаторными вариантами одной фонемы" [20, с. 9].

Отсутствие такой ссылки почему-то не заметили критики Щербы, но заметил сам Щерба. В моем распоряжении имеется экземпляр брошюры Трубецкого "Anleitung zu phonologischen Beschreibungen", принадлежавший лично Льву Владимировичу. В ней на полях имеются собственноручные замечания Щербы, сделанные красным карандашом. Некоторые правила и замечания к ним я приведу: В 3-м правиле Щерба подчеркнул слово "родственных" и написал на полях – "Плохо!".

Далее, к этому правилу Трубецким сделано следующее примечание: "В данном языке имеется только один звук, который встречается исключительно в одном определенном фонетическом положении, и только один другой звук, который как раз в этом фонетическом положении не встречается. В таком случае оба звука являются комбинаторными вариантами одной и той же фонемы, во всяком случае, при условии, что они акустически и артикуляторно родственны между собой" [20, с. 9]. Щерба подчеркнул слова: "они акустически и артикуляторно родственны между собой" и на полях поставил вопросительный знак.

И последнее: "Например: в корейском *s* и *ɾ* в ауслауте не встречаются, тогда как *l* возможен как раз только в ауслауте; так как *l*, будучи плавным, является с *ɾ* более близким по родству, чем с *s*, то здесь только *ɾ* и *l* могут считаться комбинаторными вариантами одной фонемы" [20, с. 9]. На полях Щербой написано: "Неубед".

Таковы факты. Спрашивается: кого здесь можно было бы обвинить в физикализме? Щербу или Трубецкого? Трубецкой ведь, конечно, знал щербовское определение фонемы.

Недовольство поборников легенды о Щербе вызвало еще и то, что он во "Французской фонетике", желая облегчить понимание абстрактного характера фонемы, подводил читателя к ее определению через понятие "типа". "Точно так же, – писал он, мы можем заметить что в словах *мел*, *сел*, *дед* и т.п. на самом деле мы произносим другое *е*, чем в словах *мель*, *сели*, *дети* и т.п. Первое ударенное *а* в словах *рада*, *сада*, *лада* и т.п. мы произносим по-другому, чем второе, неударенное, и т.п. Однако, все эти сходные между собой, но могущие быть различаемыми на слух звуки мы объединяем в русском языке в один звуковой тип *ы*, в один звуковой тип ... *э*, в один звуковой тип *а* и т.д." [21, с. 16]. И, по-видимому, для того, чтобы быть правильно понятым, Щерба делает вывод: "Эти звуковые типы и имеются в виду, когда говорят об отдельных з в у к а х р е ч и. Мы будем называть их ф о н е м а м и. Реально не произносимые различные звуки, являющиеся тем частным, в котором реализуется общее (фонема), будем называть о т е н к а м и ф о н е м" [21, с. 17]. Чем же определяется это общее? – спрашивает Щерба, и отвечает: – Очевидно, именно коммуникацией, которая является основной целью языка, т.е. в конечном счете смыслом; еди-

ный смысл заставляет нас даже в более или менее разных звуках узнавать одно и то же" [21, с. 18].

Разве употребление слова "тип" в значении чего-то обобщающего не принято в науке? Может быть, оно неизвестно критикам Щербы?

Не нравится им употребление слова "звук" в фонологическом контексте. Однако не кому иному, как А.А. Реформатскому, принадлежат следующие, поистине золотые, слова: "Весь смысл фонологического аспекта в фонетике именно в том, чтобы не отдавать фонетику естествознанию, а понять звуки, явления физические, в качестве обязательного элемента языка как общественного явления" [22].

А.А. Реформатский, конечно, глубоко прав, но непонятно, почему он не увидел в лице Щербы единомышленника. Выше приводилась цитата из лекции Щербы, где он показывает противоречие между физическим и социальным характером фонемы, а также доминирующую роль смысла в ее определении. Можно дополнить ее цитатой еще из одной лекции: "Совершенно ясно, что весь язык сводится к смыслу, к значению. Нет смысла, нет значения – нет языка. ... Значит, когда мы говорим о звуках человеческой речи, то мы говорим, думая на самом деле не о звуках, а о звуковых представлениях" [19, с. 153]. Напомню, что Щерба писал об этом еще в "Русских гласных...": "Дело в том, что элементы смысловых представлений оказываются зачастую ассоциированными с элементами звуковых представлений... . Благодаря подобным смысловым ассоциациям, элементы наших звуковых представлений и получают известную самостоятельность" [13, с. 114–115].

Так по Щербе нужно понимать отношение между звуком речи и фонемой. Каждый фонолог, не примыкающий к МФШ, увидел в мысли Щербы понятное всем утверждение, что фонема, как единица не материальная, не может выполнять свою функцию в языке, не реализуясь в речи в звуке в физическом смысле ("фоне").

А.А. Реформатский и другие приверженцы теории МФШ не могут в соответствующих случаях употреблять термин "фонема", так как подразумевают под ним порядковый номер ее в морфеме. Тем не менее, им не уйти от того, что фонема звуковая единица. Как иначе можно узнать, что в слове /vos/ *воз* слышен звук /s/? А ведь по МФШ именно /s/, а не неизвестно какой звук является в этом случае вариантом фонемы /z/. Для других фонологических теорий вопроса в этом случае не возникает, поскольку вслед за Трубецким считается, что чередование *z//s* в русском языке образует не какую-нибудь фонему, а морфему.

Понимая, что без "звука" фонологии не обойтись, Р.И. Аванесов предложил различать две единицы: фонему – звуковую единицу, служащую для опознания звуковой стороны слова (то есть фонему в общепринятом значении этого термина), и фонемный ряд. Но Р.И. Аванесов не отождествлял своей "фонемы" со щербовской; "... но нам представляется, – писал он, – недостаточной и общепринятая в настоящее время формулировка, согласно которой фонема ... обладает способностью дифференцировать, различать слова и формы... . Думается, что было бы точнее говорить о том, что фонемы различают не значения слов и форм как таковых, а лишь их звуковую оболочку..." [23, с. 423].

Р.И. Аванесов не заметил, что он в своем уточнении, по существу, говорит о фонеме как о физической единице, противопоставляя ее фонемному ряду, представляющему собой абстракцию от живых чередований, разумеется, не имеющую физического воплощения в потоке речи. Мысль о наличии в языке двух различных по своей природе звуковых систем кажется мне неприемлемой в методологическом отношении.

Из сказанного ясно, что обвинять Р.И. Аванесова можно не больше, чем П.С. Кузнецова, который своим "звуком языка" ничего нового не внес. Разница между его звуком языка и аванесовской фонемой состоит (не говоря о терминологической), в основном, в более физикалистской трактовке этого понятия.

Возвращаясь к легенде о Щербе-физикалисте, надо сказать, что с момента появления "Основ фонологии" некоторое время казалось, что она забыта. Но затем эта легенда получила как бы второе рождение. В работе, вышедшей в 1970 году, А.А. Реформатский не упоминает приведенные выше слова Трубецкого о приоритете Щербы в определении смысловозначительной функции фонемы и отрицал этот неоспоримый факт. При этом А.А. Реформатский привел цитату из статьи одного из виднейших учеников Бодуэна и Щербы – С.И. Бернштейна, которая звучит так: "Выделение в понятии фонемы признака способности к различению значений знаменательных единиц языка восходит к И.А. Бодуэну де Куртенэ, который еще в 1868 году (Это значит 100 лет тому назад! – А.Р.) сформулировал его применительно к фонетическим чередованиям..." [22, с. 108].

А.А. Реформатский приводит много цитат из работ С.И. Бернштейна, но следующую цитату он не упоминает, а в ней сказано: "Вместе с тем С.К. Шаумян исходит из понятия словоразличения, которое введено в фонологию в качестве основного критерия фонемы не Бодуэном де Куртенэ, а Л.В. Щербой. Но об этом общепризнанном факте и о том, что именно Щербе принадлежит эта заслуга, – С.К. Шаумян странным образом забывает" [24].

Так возродилась легенда о Щербе. К сожалению, она жива и сейчас среди части наших языковедов, хотя за пределами страны она давно была разоблачена (см. выше ссылку на книгу Э. Фишер-Йёргенсен). Легенда эта распространена в московских и многих периферийных ВУЗ'ах, где не принято знакомить учащихся с теорией фонемы Л.В. Щербы. Незнакомы с ней и многие преподаватели. Вспоминается, как Л.Л. Буланин как-то на заседании спросил у одной известной русистки, в какой работе Щербы она читала такое определение фонемы, в котором нет указания на ее смысловозначительную функцию. Она ответила: "Я сама не читала, но все так говорят". Вероятно, так, действительно, и говорят...

Особенно огорчительно, что даже люди, хорошо знающие фонологическое наследие Щербы, как бы забывают о нем. Я имею в виду статью В.К. Журавлева, в которой имеются такие строки: «Но в 1917 г. не существовало фонологии. Было лишь предложение Фортунатова строго отличать "физиологию звуков" от фонетики как лингвистической дисциплины» [25].

Что В.К. Журавлев понимает под "фонологией"? Можно ли понимать его слова так, что в трудах Бодуэна, относящихся еще к XIX веку, фонологии не было, как в "Русских гласных..." Щербы, вышедших в 1912 году? Действительно ли он думает, что слов Фортунатова о том, что фонетика – лингвистическая дисциплина, достаточно, чтобы считать это началом фонологии?

Можно с уверенностью утверждать, что Фортунатов не признавал фонемы, как не признавал ее его ученик А.И. Томсон. Не может быть, чтобы Фортунатов не знал упомянутой выше рецензии Томсона на Щербу, и что он не был согласен с содержанием этой рецензии. Едва ли Томсон решился бы так резко выступить с отрицанием понятия фонемы, если это противоречило бы взглядам его учителя – Фортунатова.

Не может быть ни малейшего сомнения в том, что, называя Фортунатова предтечей фонологии, В.К. Журавлев неправ. Иначе как можно объяснить тот факт, что упоминаемые им ученики Фортунатова – Н.Ф. Яковлев, Р.О. Якобсон, Н.С. Трубецкой, Р.И. Аванесов, В.Н. Сидоров и др. никогда на него не ссылаются.

Я, конечно, далек от того, чтобы умалять значение Фортунатова, о котором Л.В. Щерба писал следующее: "Филипп Федорович был гениальнейшим лингвистом своего времени, и только какие-то внешние обстоятельства помешали ему сделаться одним из вождей мировой науки о языке" [26].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Trubetzkoy N.S.* Grundzüge der Phonologie. Wien, 1938.
2. *Trubetzkoy N.S.* Polabische Studien. Wien, 1929.
3. *Бодуэн де Куртене И.А.* Некоторые замечания о языковедении и языке // Избр. тр. по общему языкознанию. Т. 1. М., 1963. С. 65.
4. *Бодуэн де Куртене И.А.* Введение в языковедение. Избр. тр. по общему языкознанию. М., Т. 2. С. 253.
5. *Trubetzkoy N.S.* Sur la morphologie // TCLP. 1929. N 1.
6. *Касевич В.Б.* Морфонология. Л., 1986.
7. *Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г.* Морфонология в описании языков. М., 1983.
8. *Касевич В.Б.* Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983.
9. *Щерба Л.В.* Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912.
10. *Fischer-Jorgensen Eli.* Trends in phonological theory. A historical introduction. Copenhagen, 1975. P. 1.
11. *Зиндер Л.Р., Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А.* Акустическая характеристика различия твердых и мягких согласных в русском языке // Уч. зап. ЛГУ. 1964. № 325 (Серия филол. наук. Вып. 52).
12. *Бондарко Л.В.* Слоговая структура речи и дифференциальные признаки фонем: Дис. ... докт. филол. наук. Л., 1969.
13. *Бондарко Л.В., Зиндер Л.Р.* О некоторых дифференциальных признаках русских согласных фонем. ВЯ. 1966. № 1.
14. *Зиндер Л.Р.* Общая фонетика. Л., 1979. С. 60–63.
15. *Щерба Л.В.* Очередные проблемы языковедения // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 57.
16. *Бондарко Л.В., Зиндер Л.Р., Светозарова Н.Д.* Разграничение слов в потоке речи // ВЯ. 1968. № 2. С. 80–81.
17. *Томсон А.И.* Л.В. Щерба. Русские гласные в качественном и количественном отношении // AfslPh. 1913. Bd XXXIV. Hf. 3–4.
18. *Яковлев Н.Ф.* Таблицы фонетики кабардинского языка. М., 1923. С. 31.
19. *Щерба Л.В.* Из лекций по фонетике // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
20. *Trubetzkoy N.S.* Anleitung zu phonologischer Beschreibungen. Vmno, 1935.
21. *Щерба Л.В.* Фонетика французского языка. Л.; М., 1937.
22. *Реформатский А.А.* О соотношении фонетики и грамматики (фонологии) // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970. С. 399.
23. *Аванесов Р.И.* Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. С. 423.
24. *Бернштейн С.* Против идеализма в фонетике. ИАН ОЛЯ. 1952. № 6. С. 555.
25. *Журавлев В.К. Ф.Ф. Фортунатов и лингвистическая революция XX в.* // Вестник МГУ. 1990. (Серия 9: Филология. № 1). С. 28.
26. *Щерба Л.В.* Фортунатов в истории науки о языке // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 404.